

Николай Сванидзе. Интервью к юбилею

*Сегодня 2 апреля отмечает юбилей
Николай Сванидзе –
профессор и заведующий кафедрой
журналистики Института массмедиа
РГГУ,
член Президиума Союза журналистов
Москвы,
наш друг и коллега*



*От имени Союза журналистов Москвы
поздравляем Вас, Николай Карлович, с
юбилеем!
Желаем Вам крепкого здоровья, счастья*



и новых творческих побед

**Накануне своего юбилея Николай Сванидзе
ответил на вопросы обозревателя «МК»
Евы Меркачевой**



– Николай Карлович, ваши «правила жизни»
менялись с годами?
И как бы вы их сформулировали сейчас?

– Никаких особых правил не было и нет. Со вступлением в сознательный возраст (у меня, кстати, это произошло достаточно поздно) выработал одно правило: поступать так, чтобы не было стыдно глядеть на себя по утрам в зеркало. Тем более что с годами симпатичнее человек не становится. Но я не дама, я не

про красоту внешнюю, как вы поняли.

Есть узкая референтная группа, состоящая в том числе из людей, которых нет на свете (например, Людмилы Алексеевой). Так вот я часто задаю себе вопрос: а как бы они посмотрели на меня в таком-то и таком-то случае? Что бы сказала Алексеева? Я оглядываюсь на гипотетическую позицию своих близких.

– Ваш прадед был священником. Вы сами в Бога верите?

– Вопрос интимный. Но тем не менее я отвечу. Я не воцерковленный и даже, наверное, не верующий. Но и не отрицаю Бога.

А верю я не в него, а в добро, в человеческую порядочность и в то, что все в конце концов поженятся.

– Выходит, вы все-таки оптимист!

– Оптимист. На уровне желудка и не знаю чего еще. Природный, глубинный уровень. А на уровне рациональном я реалист – и часто причин для оптимизма не вижу.

– Когда веришь в то, доказательств чему не видишь, – это мистика. Тогда делаю новый вывод – вы верите в чудеса.

– Самое чудесное, что со мной случилось, – родился на свет. Я не мистик, чудес в моей жизни не было. Были важные судьбоносные встречи, но это, так сказать, чудеса нормальные.

– И какая встреча оставила особый след в вашей жизни?

– Много было таких встреч. Наша с вами профессия такая, что приходится общаться с влиятельными, масштабными и интересными. Я бы сказал так – меня настигла моя профессия. Встреча с ней и была судьбоносной. А вообще я ведь на стыке двух профессий – истории и журналистики. И то, что судьбой мне позволено заниматься двумя – если вы настаиваете на понятии чуда, – то это оно.

– А правозащита?

– Я в какой-то момент осознал, что хочу этим заниматься. Это произошло до прихода в Совет по развитию гражданского общества и правам человека. Это связано с Людмилой Михайловной Алексеевой. Почему-то вспомнилось, как она в зависимости от настроения называла меня то по имени, то имени-отчеству. Мы с ней даже как-то выпили на брудершафт, но я, естественно, называл ее исключительно Людмилой Михайловной. Так вот она сказала: «СПЧ это приличнее, чем ОП. Иди к нам». Тогдашний председатель Совета Михаил Александрович Федотов позвал (думаю, они с ней это заранее проговорили), и я пошел. Ни о чем не жалею. Алексеева после этого ушла из Совета. Коварная женщина: заманила, а сама сбежала. (Смеется.) Но потом она вернулась.

– Правозащитник в вас должен быть на генном уровне, вы ведь потомок репрессированных революционеров.

– Это правда.

– А правда, что ваш дед по линии отца был убит во время допроса в 1937 году? И допрос этот проводил сам Берия?

– Дед был первым секретарем Тбилисского обкома партии. В то время Берия был начальником НКВД в Тбилиси. Они вместе работали, и у них, скажем так, были разные представления о «прекрасном». По сути, мой дед был кровным врагом Берия. Деда действительно забили во время допроса, и есть основания считать, что при этом присутствовал Берия. Когда бабушке показывал документы по его реабилитации ее партийный товарищ, то не дал бумаги, где это описывалось. Пожалел.

– Дед был братом первой жены Сталина?

– Нет, это совершенно разные люди, однофамильцы.

– Дед по линии мамы тоже пострадал от репрессий?

– Его посадили по доносу его заместителя, который метил на его место. Это было после войны. Дед под «рюмку чая» что-то сказал

про Сталина, а заместитель донес. Дед отсидел, вышел без зубов. Я его не просто видел, он успел меня повоспитывать.

– Это он внушил вам ненависть к Сталину?

– Нет, он никогда со мной про это не говорил. И не учил он меня никакой философии, никаких красивых слов не говорил. Он учил, как грибы в лесу собирать.

Сказать, что ненавижу Сталина, я не могу. Он мертвец. Как можно ненавидеть того, кого давно нет? Если говорить о той мировоззренческой системе, что он оставил в стране, – да, она мне ненавистна. Это страшная античеловеческая система, согласно которой человек – пыль, а государство – все. Она до сих пор популярна у нас в стране.

– Более того, на нее опираются некоторые руководители (особенно силовых структур). Как вы к ним относитесь?

– К ним отношусь по-разному. Они могут быть очень приличными людьми. Но эта их система взглядов – отвратительная, вредоносная. Она связана или с невежеством, или с желанием сделать карьеру.

Учить их или полемизировать с ними достаточно бессмысленно. Два взрослых человека переубедить друг друга не могут. В споре не рождается истина.

– Вас называют и оппозиционером, и либералом. А вы сами себя к кому относите?

– Оппозиционером я не являюсь, потому что я не политик. Либерал – да, разумеется, и я никогда этого не отрицал. Либерал – это не ругательство, это тот, для кого человек и его интересы выше, чем интересы государства.

– Как настоящий грузин вы на любом мероприятии можете выступить тамадой?

– Сама по себе грузинская кровь не одаряет талантом тамады. Я

работаю на репликах, а не на тостах. (Смеется.) Стол не умею вести. Если родина прикажет, то я, конечно, это сделаю, но не блестяще.

– Но вино, как грузин, вы любите?

– Люблю! Но у меня никогда не было виноградников. Ценитель я так себе. Вот мой приятель-француз по запаху может назвать год урожая. Мне не дано.

Сейчас с учетом ситуации с коронавирусом, как говорят врачи, лучше выбирать крепкие напитки. Иногда я позволяю себе, но не до состояния, когда было бы неудобно перед собой и близкими.

– В прошлом году ушел из жизни Сергей Доренко, с которым вы когда-то вели телепередачу. Какой яркой звездой он был, и как быстро все о нем забыли...

– С Доренко друзьями мы не были. Несколько лет не разговаривали даже. Но в последнее время относились друг к другу с позитивным интересом.

Все брэнно... Все забывается очень быстро. Это то, что я говорю студентам журфака. Я говорю им: не думайте об узнаваемости. Так же, как быстро начнут узнавать, так же быстро и забудут. Это же относится не только к работе, но и жизни. Людей быстро забывают.

– Что нужно, чтобы не забыли?

– На что намекаете? Наверное, коронавирус должен заставить каждого задуматься над этим вопросом. Но мне хотелось бы еще помучиться на этой земле. (Смеется.)

Что нужно? Стать Творцом, таким, как Микеланджело. Сикстинскую капеллу фиг два забудешь! В политике сложнее, можно остаться в памяти людской, но с каким знаком? Плюсом или минусом?

– Пандемия изменила ваши планы отметить юбилей?

– Да уж, конечно. Даже детей и внуков, которые на даче, я не зову. Это было бы безответственно с моей стороны. Отмечать будем втроем – я, жена и теща. С остальными буду по видеосвязи.

– **А как же подарки? Неужели их не будет?**

– Я надеюсь, что подарки уж заготовлены. (Смеется.) Что подарят близкие – тому и буду рад. «Феррари» я не заказывал на сей раз.



Ева Меркачева